

САМАРСКИЙ КРАЙ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Р.С. Багаутдинов, В.Н. Мышкин*

ОГОНЬ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖЬЯ В МЕДНО-БРОНЗОВОМ ВЕКЕ**

В статье речь пойдет о целой свите археологических культур бронзового века Восточной Европы. Отправной точкой для исследования является основная территория срубной культурно-исторической общности, а именно — Поволжье. К анализу, также, привлечены материалы предшествующих археологических культур – древнеямной, катакомбной, полтавкинской, а также абашевской, андроновской и балановской (фатьяновской), которые, хотя бы частично синхронны срубным древностям. Делается также попытка провести параллели с индоевропейскими и индоиранскими традициями огненного ритуала у ариев времени Ригведы и хеттов Малой Азии, отраженными в письменных источниках и исследованиях.

Одной из основных проблем, которая послужила толчком к появлению данного исследования была проблема андроновского (федоровского) воздействия на сложение обряда кремации на стороне. Сравнение федоровских и срубных комплексов обнаружило существенное отличие многих деталей погребального ритуала.

Следы огня, которые ранее считались признаком восточного (андроновского) воздействия на ритуал захоронения, в первую очередь, объясняются глубоко местной традицией¹, имеющие истоки в ямной и полтавкинской культурах Поволжья. Обряды сожжения на стороне и на месте не были результатом инокультурного импульса, а явились органической частью духовной культуры срубных племен. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют даже предполагать участия федоровского населения в сложении срубной культуры Поволжья. Проникновение андроновского

* © Багаутдинов Р.С. доцент кафедры Российской истории СамГУ, Мышкин В.Н. к.и.н., зав-й археологической лабораторией Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.).».

(федоровского) населения на Волгу носило спорадический, нерегулярный характер². Все трупосожжения на стороне сопровождаются срубным погребальным инвентарем, при наличии редких алакульских черт.

На территории обширной контактной зоны срубных и андроновских племен — в Башкирии, Оренбургской области и на северо — западе Казахстана — пока нет следов сколько нибудь значительного продвижения носителей федоровской культуры на Волгу. В то же время названная территория во второй половине II тыс. до н.э. была заселена смешанным срубно-алакульским населением, которое широко применяло огонь в погребальной обрядности. Поэтому мы не исключаем некоторого влияния срубно-алакульских племен на погребальные традиции населения Поволжья. Это влияние накладывалось, очевидно, на уже существовавшую практику трупосожжений.

Существует точка зрения о значительном участии абашевских племен в процессе формирования срубной культуры³. Известно, что огонь играл важную роль в погребальном обряде абашевцев. Есть также и захоронения с обрядом кремации⁴. Этот факт и наличие сосудов с абашевскими чертами в одном из срубных сожжений Нижнего Поволжья, позволил Н.К. Качаловой высказать предположение об абашевских истоках обряда кремации в срубной среде⁵. Однако, в дальнейшем это предположение не подтвердилось. Раннесрубные сожжения в подавляющем большинстве не имели следов абашевского влияния. Не исключено также, что позднекатакомбное население имело прямые контакты со срубниками. Следы огня сравнительно редко встречаются в катакомбных захоронениях, до сих пор не найдены погребения с обрядом кремации, хотя, В.А. Городцов упоминает об одном, открытом им катакомбном сожжении⁶.

На северо-западе Поволжья срубное население соприкасалось с обширным массивом племен балановской (фатьяновской) культуры. В погребальном обряде этой культуры, также как и в абашевском ритуале действия с огнем носили разнообразный характер. Наиболее широко применялось возжигание огня в могильной яме и над ней⁷. Имеются случаи использования огня на древней поверхности и в жертвенных ямах, правда их намного реже чем в абашевских погребальных комплексах. Наконец в одном из могильников балановской (фатьяновской) культуры найдено несколько захоронений, совершенных по обряду трупосожжения на месте⁸. Еще одна средневожская культура бронзового века — поздняяковская — также имела развитый культ огня и практиковала трупосожжение⁹.

Из всех перечисленных культур, абашевская, более всех претендует на участие в процессе сложения погребальной обрядности срубных племен. За это говорит широкий круг смешанных срубно-абашевских памятников на территории Поволжья. Поэтому не исключено, что некоторые обрядовые действия, характерные для абашевской традиции, особенно связанные с применением огня на древней поверхности могли быть восприняты срубным населением. Но, в основном, погребальные обряды с применением огня на древней поверхности у поволжских срубников имели корни в ям-

ной и полтавкинской культурах, а срубноабашевские захоронения по набору признаков погребального обряда отличаются от срубных¹⁰.

Распространение обряда кремации далеко не ограничивается непосредственными предшественниками и соседями поволжских срубников. Начиная с неолита во многих культурах Восточной¹¹ и Западной Европы¹² мы сталкиваемся со следами развитого огненного ритуала, включающего трупосожжение на стороне и на месте.

Древнейшие трупосожжения, известные нам, находятся в Палестине и северной Месопотамии и датируются V-IV тыс. до н.э.¹³

Существуют гипотезы о проникновении обряда кремации в Европу из Передней Азии и о продвижении идеи этого обряда по древним путям распространения металла. М.К. Яньюнайте полагает что «обряд кремации существовал в ранней древности почти исключительно у племен, говоривших на индо-европейских языках»¹⁴. Восточная Европа, по всей видимости, была заселена индоевропейским населением, по крайней мере с III тыс. до н.э. и ямную культурно-историческую общность связывают с древнейшими индоиранцами (индоевропейцами)¹⁵. В этом случае потомки древнеямного населения – носители срубной культуры — должны говорить на одном из индоевропейских языков. Сейчас многие исследователи связывают срубную культуру с древнейшими иранцами¹⁶.

Анализ погребальных обрядов с применением огня в памятниках срубной культуры указывает на преемственность многих обрядовых действий начиная с древнеямного периода, причем преемственность эта явственнее всего прослежена на средневожском материале. В этой связи большое значение имеет положение Н.Я. Мерперта о сохранении в Заволжье исконных древнеямных традиций¹⁷. Иными словами, в погребальном обряде средневожских срубников должны сохраниться в наиболее «чистом» виде ритуалы предшествующего населения, связываемого с носителями индоиранской речи¹⁸.

Согласно схеме Т. Барроу, индоиранский язык имел к востоку от себя тохарские диалекты А и Б, а на западе был тесно связан с балто-славянским¹⁹. Тот же автор предполагает длительный контакт индоиранцев с древнейшими финно-угорскими языками²⁰.

Очерченные, таким образом, границы охватывают большую часть территории обитания древнеямных и срубных племен. Гипотеза о древнеиранской принадлежности населения, оставившего памятники срубной культуры, для нас важна тем, что открывает возможность для широкого сопоставления погребальных ритуалов срубников и других индоевропейских народов.

Основные черты обряда кремации на стороне в срубной культуре выглядят следующим образом.

Сожжение умершего проходило как вне подкурганного пространства, так и на площадке, перекрываемой затем насыпью, причем вторая разновидность кремации появляется, скорее всего, на позднем этапе истории срубных племен. Кости сожженных очищали от золы и углей. На позднем

этапе это правило соблюдается реже. Видимо, огонь горел достаточно долго, т. к. все кремированные кости сильно измельчены.

Кальцинированные кости на раннем этапе погребальной обрядности помещали в могилу с большей «осторожностью» чем на поздних: в первом случае кальцинированные кости почти всегда лежали компактно, во втором, в более чем трети погребений, остатки кремации рассыпаны по дну. В ряде погребений кремированные кости собраны в сосуды. Практиковалось помещение остатков сожжения в одной могиле с трупосожжением. Никакой закономерности в половозрастном делении кремированных не прослежено. Сжигались взрослые и дети, мужчины и женщины. Необходимо отметить, что раннесрубное население, видимо, не практиковало кремацию детей.

Для поволжских срубников при общем сходстве погребального обряда наблюдаются различные тенденции в применении огня. Если на Средней Волге ритуальные действия, связанные с огнем, увеличиваются от раннего к позднему этапу, то захоронения Нижней Волги демонстрируют сравнительно сложный огневой ритуал только на раннем этапе.

Средневожское население многие традиции, связанные с применением огня в обрядах захоронения, сохранило на протяжении тысячелетия — от конца III тыс. до второй половины II тыс. до н.э.

Менее явственно эта связь прослежена на нижневожском материале. Их двух видов трупосожжений обряд кремации на месте имеет наиболее широкую основу в ямной и полтавкинской культурах.

Трупосожжение на стороне, в предшествующее срубной культуре время было, видимо, явлением редким и необычным. В срубное время круглые в плане ямы использовались как жертвенники, куда ссыпались остатки костров, кости животных и обломки посуды; в них встречались остатки трупосожжений и вторичных захоронений²¹. Для ямно-полтавкинского времени также известен один случай сооружения круглой жертвенной ямы. На ритуальных кострищах приносились в жертву, а также сжигались не только животные, но и люди²². Принимая во внимание вышесказанное, можно предположить, что сожжение умершего на Волге в эпоху ранней бронзы и позднее, мыслилось как жертвоприношение, по крайней мере, для части кремируемых. Интересно, что связь сожжений с жертвоприношением прослеживается и в представлениях ведических ариев. Особенности ритуального мышления позволяли им рассматривать свою жизнь как цепь жертвоприношений. Простейшая агнихотра, т. е. жертвоприношение огню молока, было доступно каждому домохозяину. Широко использовались и другие виды приношений огню. Сожжение умершего воспринималось как последняя агнихотра²³.

О правомерности привлечения данных исторической этнографии индоевропейских народов для исследования духовной культуры срубных племен говорилось выше. Наиболее близкими по времени к эпохе срубной культурно-исторической общности являются два письменных памятника — гимны Ригведы и хеттские клинописные тексты. В число последних вхо-

дит описание четырнадцатидневного ритуала, в который входило и его сожжение²⁴. Погребальный ритуал начинается сразу после смерти царя. Ему приносят в жертву упряжного быка. После этого следует возлияние вина душе умершего, а использованный сосуд разбивается. День завершается какими-то магическими действиями с козлом и различными жертвоприношениями мертвому.

Сожжение совершается на второй день, видимо, вечером. Погребальный костер горит всю ночь, а утром его тушат пивом и вином.

Женщины собирают кремированные кости и кладут их в серебряный сосуд с чистым маслом. После этого кости извлекаются, заворачиваются в льняную ткань и помещаются на стул, если умерший был мужчина, или на скамеечку — если женщиной. Потом следует трапеза, на которой пища предлагается участникам обряда и умершему. На месте сожжения изготавливают человеческое изображение из фруктов. Остатки сожжения помещают в мавзолее на ложе, перед которым ставится стол со светильником. Здесь же кладутся посмертные дары²⁵.

В текстах есть также сведения об особом ритуале для человека, умершего от болезни. Ритуал этот начинался вечером, а завершался с вынесением и сжиганием умершего. Этот текст датируется XV в до н.э.²⁶. В древнехеттском обществе огню придавалось очень большое значение. С его помощью вызывали богов, огнем очищали. В тексте упоминается также ритуальное сожжение животных и предметов²⁷. Наблюдается двойственное отношение к огню. С одной стороны он дает благополучие стране, в с другой «может погубить отдельного человека и все общество»²⁸.

Загробный мир ведических ариев представлялся как продолжение реальной земной жизни. Юг считался местом обитания злых сил, которые могли причинить вред и живым, и мертвым. В то же время юг был обиталищем мертвых. Отмечая двойственность в мировоззрении, А.М. Мандельштам допускал аналогичные представления о юге у носителей бишкенской культуры, на территории Средней Азии, которая, видимо, связывается с ариями. В ее погребальной обрядности умершие никогда не клались головой на юг и в то же время всегда располагались к югу от спуска в могилу²⁹. Примечательно. Что срубные племена Поволжья также избегали ориентировать умерших на юг, однако все погребения с трупосожжениями на стороне находятся только к югу от центра или в центре кургана.

В погребальном обряде ведических ариев говорится о трупоположении и трупосожжении³⁰. Бог огня — Агни — играл важную роль в повседневной и сакральной практике древних ариев. Гимном Агни начинается Ригведа, он занимает второе, после Индры, место по количеству посвященных ему гимнов. Все огни — на небе и на земле, в представлении древних индийцев, являются воплощением Агни. Агни называют посланцем (дута), перевозчиком умерших на небо и жертвы богам³¹. Все умершие, и сожженные, и несожженные попадали на небо к солнцу, а, возможно, и в мир богов³². Кроме переноса умерших и жертвоприношений, Агни мог устранять изъязвы, лечить раны³³, в потустороннем мире восстанавливал тело³⁴.

Обобщая данные ведических текстов Г.Ф. Ильин предлагает краткое описание обряда кремации: «Тело умершего натиралось благовониями и, облаченные в лучшие одежды, опускалось на землю освященную коровьим навозом и устланную травой куша. Рядом горел священный огонь. Женщины рода, как плакальщицы Рима, рвали на себе волосы и били себя в грудь, затем тело помещали на повозку и отвозили к месту сожжения. Участники процессии при этом заметали веником следы (отголосок представления о враждебных силах умерших)... Погребальный костер разжигался от головни, взятой из домашнего огня умершего. Вместе с умершим сжигались и некоторые из его вещей: оружие, посуда. Кости трупа собирались на 10-й день, и после сложных и детально разработанных манипуляций, помещались в урну, которую потом зарывали в сухом месте»³⁵.

Проведенное выше краткое сопоставление погребальных обрядов – только начало исследования ритуалов носителей археологических культур Поволжья, которые связываются с индоиранской, индоевропейской речью. В данной работе исследованию подверглась лишь небольшая часть, накопленных в настоящее время материалов. Чтобы попытаться проникнуть в мировоззрение древнего человека необходим синтез археологических и этнографических источников³⁶.

Примечания

¹ Багаутдинов Р.С. Применение огня в погребальном ритуале ямной и полтавкинской культур Поволжья // КСИА. М; 1984. С.17-21; Он же. Сравнительный анализ срубной и андроновской керамики из погребений с трупосожжениями // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988. С.92-103.

² Нам известно несколько пунктов, в которых встречены элементы федоровской материальной культуры, это единичные черепки со срубных поселений Средней Волги. Федоровскую форму имеет сосуд из жертвенника кургана 8 у села Хрящевка (Мерперт Н.Я. Материалы по археологии среднего Заволжья. // МИА. 1954. №42. Рис. 37, 14), два, сходных с федоровскими, сосуда найдены в срубных погребениях на территории нижнего Поволжья (Синицин И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. №60. Рис. 58, 5; Скрипкин А.С. Отчет об археологических разведках и раскопках в зоне строительства Городищенской оросительной системы // Архив АИ. №4482. Рис. 23.

³ Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977. С.8. и сл.; Васильев И.Б. О заселении лесных районов Заволжья срубными племенами // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С.41; Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы и лесостепь // Археология восточноевропейской степи. Воронеж, 1979. С.20 и др.

⁴ Сальников К.В. Абашевская культура на южном Урале // СА. М., 1954. Т. XXI. С.71; Халиков А.Х. Новые памятники абашевской культуры // СА. 1959. № 2; Ваюткин С.Н., Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф., Калинин Н.К., Рутто Н.Г. Отчет о работе археологической экспедиции Башкирского Государственного Университета в 1973 г. Уфа, 1974. №5185

⁵ Качалова Н.К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. Вып. 17. 1976. С.6.

⁶ Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. // Труды XII АС. Т. 1. М., 1905. С. 190.

- ⁷ Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М., 1972. С.200; Бадер О.Н., Халиков А.Х. Памятник балановской культуры // САИ. Вып. В 1-25. М. 1976. С. 35-36, 39, 74.
- ⁸ Виноградов К.Я. Новые данные о памятниках фатьяновского типа // ПИДО, 1934. №11-12. С. 74-75.
- ⁹ Попова Т.Б. Исследование могильника поздняковской культуры на Канишевских дюнах под г. Рязанью // Новейшие открытия советских археологов. Ч.1. К. 1975. С.93.
- ¹⁰ Багаутдинов Р.С. Погребение сожжениями среднего и позднебронзового века в Поволжье. Диссертационная работа на соискание звания канд. ист. наук. М. 1983
- ¹¹ Макаренко М. Маріопільський могильник. К.:Всеукр. Акад. Наук, 1933. С. 69, 84; Бодянский А.В. Лысогорский неолитический могильник // КСИА, 1961. Вып. 11. С. 34-35; Левенок В.П. Неолитические племена лесостепной зоны // МИА. 1973. №172. С. 192; Даниленко В.Н. Энеолит Украины. К. 1974. С.68.
- ¹² Монгайт А.П. Археология Западной Европы. Каменный век. М., 1973. С 231, 238, 241, 270
- ¹³ Брентъес Б. От Шанидара до Аккада. М. 1976. С. 153; Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981. С. 207.
- ¹⁴ Яньюнайте М.К. К этногенезу хеттов. // VIII Всесоюзная конференция по древнему Востоку/тезисы докладов. М. 1979. С. 129.
- ¹⁵ Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. The Hague Mouton Co. Publishers, 1965. P. 577; Шилов В.П. Калиновский курганный могильник. МИА, 1959, №60. С. 411.; Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейские параллели // УП Всесоюзная конференция по Древнему востоку/тезисы докладов/. М., 1979. С. 37 и др.
- ¹⁶ Гусева Н.Р. Индуизм. М., 1977. С. 40 и др. Автор достаточно подробно разбирает мнения советских археологов, историков и лингвистов об этнической принадлежности древнеямной, полтавкинской, абашевской и срубной культур. Это избавляет нас от более развернутого изложения аргументов за сопоставление срубных племен с иранцами.
- ¹⁷ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С.148-152.
- ¹⁸ Горнунг Б.В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности. Расширенная редакция доклада на УП МКАЭН. М., 1964. С. 39; Абаев В.И. Доистория индоиранцев в свете ариоуральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М. 1981. С. 84, 89.
- ¹⁹ Барроу Т. Санскрит. М., 1976. С. 18.
- ²⁰ Барроу Т. Указ. соч. С. 27-30.
- ²¹ Синицин И.В. Указ. соч. С. 118; Мерперт Н.Я. Материалы по археологии среднего Заволжья. МИА, 1954, №42. С.99-100.; Абаев В.И. Указ. соч.
- ²² Мерперт Н.Я. Материалы по археологии среднего Заволжья // МИА. 1954. №42. С. 119, 128.
- ²³ Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы/ритуальный символизм/. М., 1981. С. 80, 81, 145.
- ²⁴ Otten H. Hethitische Totenrituale. Berlin: Academie Verlag, 1958
- ²⁵ Otten H. ... С. 13, 14.
- ²⁶ Otten H. ... С. 17
- ²⁷ Иванов В.В. Культ огня у хеттов // Древний мир. М. 1962. С. 226
- ²⁸ Иванов В.В. Указ. соч. С. 228
- ²⁹ Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. №145
- ³⁰ Ригведа. Избранные гимны. Перевод, коммент. и вступл. Елизаренковой Т.Я. 1972. С. 198-203.
- ³¹ Ригведа. Указ. соч. С. 200-203; Эрман В.Г. Очерки истории ведийской литературы. М.

1980. С. 137, 79.

³² Семенцов В.С. Проблемы интерпретации брахманической прозы (ритуальный символизм). М. 1981. С.145.

³³ В этой связи интересно высказывание В.В. Иванова о том, что трупосожжение возникло в среде индоевропейцев как средство борьбы с чумой. - Иванов В.В. Природные символы как элементы знаковых систем культуры (общество и природа). М. 1981. С. 277.

³⁴ Ригведа. Указ. соч. С. 200.

³⁵ Ильин Г.Ф. Идеологические системы Древней Индии // Культура Древней Индии. М, 1975. С.89.

³⁶ Клейн Л.С. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы этнологии и этнографии. Л, 1977. С. 21.